

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Correo
Central B.
Argentina

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO X

Buenos Aires, Jueves, 10 de julio de 1958

Буэнос Айрес, четверг 10 июля 1958 года

№ 442

Д-Р. А. К.

„ОТЦЫ И ДЕТИ“

Попытки, более или менее удачные, к единению российской политической эмиграции всегда были и всегда будут, и в них как бы отражается добронамеченность наших созидательных элементов, отдающих себе отчет в необходимости общего, сплоченного действия. Но мы также не менее реально уясняем себе, насколько это единение трудно — во-первых, а во-вторых, — что во всякой политической эмиграции, как таковой, в той или иной мере заложен элемент болезненности, которая проистекает из всевозможных причин, а, прежде всего, от оторванности от родной почвы и влияния внешних факторов.

Еще в свое время, ген. Миллер сказал, что “лучший способ разъединить эмиграцию — попытка к широкому ее объединению”. В какой степени верны эти слова, мы уже имели возможность установить за весь 40-летний период нашего зарубежного бытия, за все время которого недостатка в попытках к нашему широкому единению не было, но так же не было и сколько-нибудь значительных от того результатов. Нет сомнения, что такое единение не желательное и опасно многочисленным врагам нашей исторической государственности, как внутренним, так и внешним, и часто эти враждебные силы в значительной степени превышали наши возможности.

Однако, это также зависит и от нас, и мы видим, что на каком-то уровне в наших кругах это единение было и есть, и вопрос о его реальности никогда даже и не поднимался. И, может быть, это было единение даже и “широкое”, но оно нигде не регистрировалось, а было как бы единением людей определенного духовного градуса, и даже той серединной нашей массы, которая как бы органически чувствовала свою принадлежность России, какое-то чувство во многих случаях организационно не проявлялось. С другой же стороны, в тех же формально объединенных организациях наблюдалось несомненное центробежье.

Попытки к “широкому” объединению, действительно, претерпевали в той или иной мере неудачу, что, как нам кажется, в значительной степени объясняется тем, что в наших кругах никогда не переставали действовать те силы, которые легли в основу российской разрухи. Российская политическая эмиграция, в массе своей национальная, и по существу весьма монолитная, как раз и была наименее деятельной, в то время как всевозможные периферические группировки, наименее всего представлявшие нашу национальную массу, поднимали наибольший шум и проявляли кипучую деятельность. Эти группы, чуждые и враждебные нам еще в России, таковыми остались и здесь, что, однако, не мешало им выступать от русского имени и от имени политической эмиграции, без малейшего на то основания.

В четверг, 17-го сего июля, в сороковую годовщину убийства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II и ЕГО АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬИ в Кафедральном Храме Воскресения Христова (ул. Нуньес 3541) в 20 часов будет совершена П А Н И Х И Д А

Кроме того, уже в эмиграции обозначились всевозможного вида партийные группировки, отколовшиеся уже здесь от нашего органического центра и ушедшие какими-то путями, подчас чуждыми и даже враждебными нашей органической идее.

Как одни, так и другие ушли в сторону сотрудничества с всевозможными иностранными учреждениями, того или иного толка, или же включились в орбиту деятельности тех или иных иностранных политических партий. Многих из них мы находим во всевозможного рода учреждениях розенберговского типа времен нацистского владычества, в служебных целях, ничего общего не имеющими ни с нашей основной политической целью, ни с истинными интересами российской государственности. После бесславного провала розенберговской политики и разгрома III Рейха, мы их видим в тех же по существу учреждениях, но уже с переменной “хозяйки” и работодателя.

Все это — всевозможные прислужники, шептыватели и “специалисты” по русским делам, смотрящие с нескрываемым презрением на нашу рядовую массу, что, однако, не мешает им выступать от русского имени в той разрушительной и пагубной для дела освобождения России политике, курс на которую столь явственно и определенно взят САСИИ.

Наши зарубежные “отцы”, представители целого поколения и своей эпохи, при всей их кажущейся “несовременности” в отношении к категориям нашего поколения, значительно более цельные; а равно и более очерченные духовно и политически нежели идущие им на смену, умели гораздо более блюсти свое достоинство.

Духовная зарядка наших “отцов” была значительно выше той, которую мы наблюдаем теперь в наших зарубежных “детях”, весьма подверженных всевозможным влияниям так наз. “реальностей”. И сами политические горизонты наших “отцов” были значительно ясней и проще, а, вместе с тем, и самая постановка политических вопросов и конечных целей. А, что самое важное, вера в освобождение России в наших “отцах” составляла как бы их ежемгновенное сознание и вся их жизнь строилась на базе этой горячей веры. И им приходилось применяться к местности, но наше основное — российское, было у лучших из них, а равно и в нашей серединной массе, основным критерием, которому уже подчинялось все остальное.

В нашем поколении наблюдается уже значительное снижение духовной зарядки в смысле наших основных категорий, от каковых мы уже значительно

уклоняемся, приспособляясь к всевозможным местным условиям, и порой, во имя последних, отрекаясь от самого основного.

Все эти 40 лет и были по существу поисками путей, каковые не были найдены, а при современном беспуты, пожалуй, никогда и не будут найдены. Но это — политический аспект жизнедеятельности Зарубежья. В духовном своем аспекте, Зарубежье было как бы осколком России, по своему огромному объему совершенно небывалым для политических эмиграций вообще. Как фактор культуры, оно выдвинуло целый ряд блестящих имен, вписавших не одну страницу в книгу мировой культуры, и как бы отразивших в себе отблеск той извечной российской культуры, которая вот уже с половины XIX века светит миру неповторимым явлением. Мы были как бы некоей зарубежной нацией, государством без территории, создававшей общность наших духовных и исторических истоков.

Теперь многие из нас теряют это чувство общности судеб, чувство плеча. Многие хотят обособиться и идти “своим” путем. А ведь 40 лет наши “отцы” стояли несогбенно на этом тяжком пути, стояли в правде, пусть это была только лишь наша, русская правда, но для нас она нисколько не изменилась с того времени и по сей день. Иное дело, что она не подходила другим и правдой для них не казалась, но мы ее, как таковую, никому и не навязывали, и хотели сохранить для себя. И мы знаем, что эта правда, если не сегодня, так завтра вернется снова, и снова станет правдой не только для нас, но и для других. Поэтому наши “отцы” берегли эту правду, и бережем мы ее и теперь. Действительно, в плане утилитарном это не сулило и не сулит никаких земных благ, но наши “отцы” безропотно и смиренно несли возложенный на них историей крест.

Да, нам — “детям” — есть многому чему поучиться у наших “отцов” и преклониться перед той незаметной и безымянной, но вместе с тем и огромной работой, проделанной ими, во имя сохранения России. Пусть эта работа и не дала сколько-нибудь ощутительных результатов, но без нее мы не приобщились бы хоть частично российской культуры и осознания нашей органической сопричастности великой российской нации.

Пусть в наших “отцах” и сказалась “непрактичность”, свойственная нашему российскому племени — мы уже мним себя большими “реалистами”. Нет сомнения, что впитав в себя их опыт, мы в значительной степени обогатили его за 40 лет жизни и деятельности во всевозможного вида государственных системах. Но это обогащение лишь тогда принесет плоды, если оно произойдет в плане духовной преемственности поколений. Без нашего духовного наследия, без осознания себя сопричастными наших духовных и исторических истоков, без осознания себя гражданами нашего великого отечества, в отрыве от наших “отцов”, мы, зарубежные “дети”, — Иваны непомнящие родства.

Основные политические цели, стоявшие перед нашими “отцами”, стоят и перед нами, и с того времени по сию пору они нисколько не изменились, поскольку

ДЕНЬ СКОРБИ

По постановлению Собора епископов Русской Православной Церкви за границей, день 17 июля — день покаяния и строгого поста.

ку, как тогда, так и теперь их можно формулировать, как стремление к воссозданию Исторической России и восстановлению поруганной ее чести. Это было и есть нашей основной стратегической целью, при наличии всевозможных тактических вариантов, каковые в конечном итоге привели нас к уяснению простейшей истины, что нашей тактикой должно быть терпение и умение ждать, а равно и прежде всего — доверие к духовным и историческим силам России и нашего народа. Нет сомнения, что во многих из нас это доверие поколебалось, под влиянием тех сил разрушения, которые как бы проявились в нашем народе в последнее десятилетие 1917 года, что еще более углубляется длительностью сроков. Это, как бы и подорывает веру в наш народ, но теперь мы начинаем себе уяснять, что подчас народ менее всего повинен в проявленных им разрушительных силах, проявление которых явилось результатом систематической растлительной деятельности нескольких поколений российской радикальной интеллигенции. Таковые силы подспудно имеются в любом народе. И если даже какая-нибудь степень ответственности и лежит на нашем народе, то вот уже 40 лет не с е т он крест искупления, и в этом крестном пути — залог его духовного обновления и воссоздания грядущей России.

Нам — “детям” — приходится действовать уже в несколько иной обстановке — духовной, политической, а равно и географической, чем то был случай с нашими “отцами”. И, должно сразу сказать, — в условиях более тяжелых. Вторая Мировая война внесла несомненные поправки в какие-то наши классические концепции, которые нам приходится значительно пересматривать в совершенно уже ином свете.

Новым политическим фактором является также и выступление на мировой сцене САСИИ, которые до Второй Мировой войны держались как бы в стороне от европейских дел, а что особенно важно для нас — полностью в стороне и в полном неведении наших российских дел, в частности же зарубежных. Теперь появление САСИИ привносит как бы новые моменты и новый стиль политической работы, не говоря уже о том особом, специфическом духовном акценте, который чувствуется во всем, исходящем от САСИИ.

Следующим основным моментом кажется нам усиление интернационального коммунизма, имеющее существенное влияние на общественно-политическую жизнь во всех странах, и, следовательно, и на нашу деятельность, поскольку последняя проходит в условиях жизнедеятельности того или иного государства. И, наконец, — момент географический, т.е. усиление нашего рассеяния

В воскресенье, 20 сего июля, в зале “Бельгийского О-ва Взаимопомощи” (ул. Иполито Иригожен 2521, высота Ривадавия 2500) в СОРОКОВУЮ годовщину Екатеринбургского злодеяния, совершенного коммунистами над ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ II, ЕГО АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬЕЙ и их верными слугами, состоится

Т РА У Р Н О Е С О Б Р А Н И Е

На собрании с докладами выступят Б. С. Димитров и А. А. Навроцкий. Начало в 17 часов. Вход свободный

15-го июля в годовщину смерти Проф., Д-ра, Инженера Михаила Михайловича КОСТЕВИЧА

будет отслужена панихида на Английском кладбище в 11 ч., о чем извещает сын и друзья покойного

после Второй Мировой войны, сказывающегося весьма отрицательно на наших зарубежных делах. И, вместе с увеличением рассеяния, как бы и перемещение политического центра из Европы в Америку.

Мы покинули старые, насиженные места и переселились на тот континент, который американский историк и публицист Дж. Гунтер называет «гигантским котлом по перетапливанию людей». Д.И.Менделеев пишет: «Есть глубокий смысл в том представлении, что человек произошел из земли». Правда, он имел в виду зависимость несколько иного порядка; в данном случае мы говорим о почвенных силах, влияние которых на душу и тело человека — огромно. Русский богатырь Илья Муромец в минуты крайней опасности «припадал к матери сырой-земле», и черпал в ней силы. Нам неоткуда почерпнуть этих почвенных сил, а в особенности, здесь, на том материке, который с полным основанием называется «Новым Светом», каковой для нас, европейцев, во многом таковым и является. В наш еще европейский период мы жили более кучно и сплоченно. В Европе мы были как бы у себя дома, как бы чувствовали близость России. Да и наши русские дела в значительной степени были более созвучны европейцам, вся историческая жизнь которых тесно переплеталась с жизнью России.

Естественно, что и Европа жила своими интересами, и там мы наталкивались на основное непонимание наших насущных задач, ввиду полного забвения России Европой в период между Первой и Второй Мировых войн. Но та полная чуждость нашим делам, особое специфическое неуяснение их, переходящее подчас в сознательное искажение, тот особый складки утилитарный эгоизм, наблюдаемый здесь в Америке, — в Европе были не столь выражены.

Американский континент для нашего национального сознания таит в себе гораздо большие опасности, чем мы то полагаем, не только в смысле денационализации, но равно и в смысле духовных и политических категорий. Процесс, положим, вполне оправданный с точки зрения американской государственности. Нужно ли сопротивляться этому процессу — иной вопрос, и мы полагаем, что все зависит от духовного и культурного градуса каждого из нас в отдельности. Мы, русские, тоже перетавливали инородцев и мы этим гордимся. И пусть его перетавливает и Америка, но вот, что мы полагаем основным: хотим ли мы остаться русскими или стать американцами? Только в строго личном плане и лежит ответ на этот вопрос, т.е., как каждый из нас уясняет себе основной план и каковы

наши конечные цели, которые мы перед собой ставим, и которые как бы и определяют наше дальнейшее внешнее поведение. История ставит перед нами совершенно конкретное задание сохранения России, независимо от того, живем ли мы в Европе, или в Америке. Сохранить себя русским в лучшем смысле этого слова, теперь, конечно, трудно повсюду. И нет сомнения, что ничего нет легче, как переключиться на какую-нибудь доходную «философию». Поэтому эту нашу задачу мы и называем подвигом.

И в наших «отцах» мы и видели этот подвиг, мы видим, что в рамках их поколения вся их личная жизнь, их внутреннее содержание и проистекающие из него внешне поведение определялось идеями России, и эту идею многие из них уже унесли в могилу.

Так российскими безымянными могилами и покрыт весь мир. Это могила наших доблестных «отцов», не дождавшихся осуществления их заветных целей, и вот к нам — «детям» — постепенно переходит это служение, и мы его доведем до конца.

Основной вопрос для нашего поколения и ясный ответ на него имеет первостепенное значение: хотим ли мы остаться русскими, или же стать Иванами непомнящими родства?

Это не значит, что мы исполняем какого-то презрения к чужим категориям и тем общественно-политическим реальностям, которые мы наблюдаем вокруг нас. Наоборот, мы полагаем, что нам есть чему поучиться у всех, но мы также имеем и свое и ожидаем к нему такового же уважения, в первую очередь — от нас самих же. И коль скоро мы не принесем пользы для себя, то не принесем ее и для других, и навсегда останемся для них всего лишь случайным наростом или приживальщиками. Ибо всемирной, абстрактной пользы нет; польза есть только тогда, когда она в своем народе и для своего народа. Только от такой пользы мы имеем сознание таковой, равно, как и научившись быть полезными себе, мы будем полезными и для других. И без этого сознания, жизнь наша здесь беспредельна, ибо она бесполезна.

Также нет и абстрактных, не приключенных ни к какой почве людей: люди определяются принадлежностью к тому или иному куску земли и каждому этот кусок дорог. Так, нам дорога Россия, независимо от того, что мы лишены возможности жить в ней.

Иными словами: что определяет наше сознание? Определяет ли его неполноценное бытие в условиях оторванности от родной почвы, или же мы обогащаем это бытие сознанием нашей сопричастности и нерасторжимой принадлежности к великому народу, соз-

давшему столь же великую культуру и величайшую тысячелетнюю государственность?

К Русскому народу и русской культуре. Во всем мире мы наблюдаем процесс, идущий к низведению людей (независимо от его первоисточков) на степень какой-то человеческой травы, которой можно придать любую форму, так что от человеческого там, может, мало что и останется. Эта человеческая трава не потребует особого ухода, и многого ей не нужно, а свое механическое «бытие» она вполне принимает за действительную жизнь. Эти, те или иные «инженеры человеческих душ», наблюдаемые сегодня повсеместно, говорят, что свобода есть «осознанная необходимость».

Так, вне принадлежности к тому или иному народу, без ощущения под ногами той или иной почвы, без осознания своей нерасторжимой зависимости от тех или иных духовных и исторических истоков, человеческая жизнь лишается духовности и превращается в механическое существование, и в конечном итоге действительно сведется на то пресловутое «бытие», которым современные искажители человеческой природы и стараются подменить в нас наше оскудевающее сознание.

Но есть также и другое — (обратное) — явление: пробуждение человеческого сознания в современном закрепощенном человеке.

И это пробуждающееся сознание победит.

Др. А. К.

ДОКТОР Вл. ГОЛОВИН
ГЛАЗНЫЕ БОЛЕЗНИ
Е ж е д н е в н ы й п р и е м
от 14 до 20 час.
Independencia 825,
Villa Ballester (est. Chilavert)

Требуется РЕГЕНТ, знающий церковное пение и службу. Возможно совмещение с частной службой. Желательно указать специальности, знание испанского языка, возраст и семейное положение.

Обращаться письменно в Русскую Православную Церковь в Montevideo (Uruguay), calle Guaviyú 2761

В субботу, 12 сего июля, в 22 часа в зале «Les Ambassadeurs» СОСТОИТСЯ БОЛЬШОЙ ВЕЧЕР Р О В С а
Танцы - Программа - Лотерея - Буфет
Билеты при входе

И. СОЛОНЕВИЧ

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

— Мы и без вас знаем, когда время, когда нет... Ну, заберите воду в свою посуду, нам нужно бак забирать...

Возникла новая проблема: у интеллигенции было довольно много посуды, посуда была и у рабочих, у мужиков и у урок ее не было вовсе... Одна часть рабочих от дележки своей посудой отказалась наотрез... В результате длительной и матерной дискуссии установили порядок: каждому по кружке воды. Оставшуюся воду распределить не по принципу собственности на посуду, а, так сказать, в общий котел. Те, кто не дает посуды для общего котла, больше воды не получают... Таким образом, те рабочие, которые отказывались дать посуду, рисковали остаться без воды... Они пытались было протестовать, но на нашей стороне было и моральное право, и большинство голосов и, наконец, аргумент, без которого все остальные не стоили копейки — это кулаки. Частнособственнические инстинкты были побеждены...

ЛАГЕРНОЕ КРЕЩЕНИЕ

ПРИЕХАЛИ

Так ехали мы 250 километров пять суток. Уже в нашей теплушке появились больные — около десятка человек. Борис шупал им пульс и говорил им хорошие слова — единственное медицинское средство, находившееся в его распоряжении... Впрочем, в обстановке этого человеческого зверинца и хорошее слово было медицинским средством.

Наконец, утром, на шестые сутки в раскрывшейся двери теплушки появились люди, не похожие на наших конвоиров. В руках одного из них был список. На носу, как-то свесившись на бок, плясало пенсне. Одет человек был во что-то рваное и весьма штатское. При виде этого человека я понял, что мы куда-то приехали...

17 Неизвестно, куда, но, во всяком случае, далеко мы уехать не успели...

— Эй, кто тут староста?

Борис вышел вперед.

— Сколько у вас человек по списку? Проверьте всех.

Я просунул свою голову в дверь теплушки и конфиденциальным шепотом спросил человека в пенсне:

— Скажите, пожалуйста, куда мы приехали?

Человек в пенсне воровато оглянулся кругом и шепнул:

— Свирьстрой.

Несмотря на морозный январский ветер, широкой струей врывавшийся в двери теплушки, в душах наших расцвели забвения...

Свирьстрой!.. Это значит, во всяком случае, не больше двухсот километров от границы... Двести километров — пустыки. Это не какой-нибудь «Сиблаг», откуда до границы хоть три года скачи — не доскачешь... Неужели судьба, после всех подвохов с ее стороны, повернулась, наконец, «лицом к деревне»?..

НОВЫЙ ХОЗЯИН

Такое же морозное январское утро, как и в день нашей отправки из Питера. Та же цепь стрелков охраны и пулеметы на треножниках. Кругом — поросшая мелким ельником равнина, какие-то захоластвующие, заметенные снегом подъездные пути.

Нас выгружают, строят и считают. Потом снова перестраивают и пересчитывают. Начальник конвоя мечется, как угорелый от колонны к колонне: двое арестантов пропало. Впрочем, при таких порядках могло статься, что их и вовсе не было.

Мечутся и конвойные. Дикая ругань. Ошалевшие в конце мужички тыкаются от шеренги к шеренге, окончательно расстраивая и без того весьма приблизительный порядок построения. Опять перестраивают. Опять пересчитывают...

Так мы стоим часов пять и промерзаем до костей. Полураздетые урки, несмотря на свою красноиндейскую выносливость, совсем еле живы. Конвойные, которые почти также замерзли, как и мы, с каждым часом свирепеют все больше и больше. То там, то

НОВЫЙ УНИЧОЖАЮЩИЙ УДАР ПО РУССКОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ

Во французском военном журнале «Ревю Милитэр д'Энформасион» (№ 293, апрель 1958 г.) сообщается, что на основании различных документов и информационного материала, опубликованного в Москве, можно сделать следующие выводы относительно предстоящей колхозной реформы, которая найдет свое юридическое выражение в пересмотре примерного устава сельскохозяйственной артели, намеченном на начало 1959 г.:

1. Хотя государство и будет оказывать колхозам помощь в деле приобретения сельскохозяйственного оборудования, но в то же время предполагается развить широкую кампанию с целью разъяснить крестьянам преимуществам с о в х з о в перед колхозами. Тем не менее, Хрущев отказался поддержать предложение «некоторых товарищей» о немедленном превращении колхозов в совхозы.

2. В целях повышения роли партии на селе, районные комитеты должны будут сосредоточить свое внимание на поднятии руководства колхозами на должную высоту. Из состава колхозного руководства «следует удалить все неработоспособные элементы».

Кроме того, большая часть нынешних кадров МТС будет переведена в колхозы. Эти лица будут находиться там в несколько привилегированном положении, т.к. колхозы обязуются обеспечить им «прожиточный минимум», который ни в коем случае не может быть ниже жизненного уровня, который обеспечивает им жалование, получаемое ими в настоящее время.

3. Так называемые колхозные рынки будут постепенно ликвидированы и государство получит монополию в деле распределения сельскохозяйственных продуктов. С другой стороны, методом убеждения будет достигнута продажа колхозам скота, являющегося в настоящее время собственностью крестьян.

4. Теперешняя система оплаты труда колхозников натурой на основе выработанных трудодней будет пересмотрена. Вероятно, будут применены одновременно две системы: жалование, по образцу совхозов, и коммунистический принцип распределения: «каждому по потребностям», т.е. колхозникам будет разрешено брать из колхозных запасов продукты, необходимые для собственного потребления. Зато размеры приусадебных участков будут постепенно сокращаться.

5. Партийная пропаганда будет направлена на убеждение колхозников перейти к коммунальным формам быта, и внутренняя организация колхозов приблизится к устройству рабочих поселков».

здесь люди валяются на снег. Далились. Мы укладываем их на р... но ясно, что они скоро замерзнут. снова нарушают порядок в колонне. тят весь подсчет. Между нами... ная дискуссия. Крыть матом и г... людей в очках конвой все-таки... том и обратной отправкой в Ле... ничего с нами конвой сделать не... заболели еще в дороге, что стоят... мают упавших на ноги, те снова в... люди в лагерном одеянии, — к... комиссия лагеря. Насквозь проме... ми оказывается начальником сан... начальник конвоя и сразу набрась...

— А вам какое дело? Немед...

Борис заявляет, что он — вр... тить, чтобы люди замерзли еди... распорядительности конвоя. Наме... посылку жалобы в Ленинград не... разбег чекиста. В результате да... лагерные сани, на них нагружают... саней и дохлах кляч с погреб... в лесу. Я потом узнал, что до... не все.

Какая-то команда. Конвой за... в вагоны. Поезд, гремя буферами... Мы остаемся в пустом поле. Ни... от дороги, у костра, греется пол... товками — это, как оказалось, л... рана) — в просторечии называем... он нас не охраняет. Да и не от... о бегстве — куда бежать в эти за... угле и о горячей пище...

Перед колоннами возникает...

ским районом. Мне часто приходится проезжать и проходить мимо этого района. И нет такой фабрики или завода в этом районе, около которого не стояли бы сотни автомобилей. Из каждой сотни этих автомобилей 98 принадлежат рабочей силе Австралии. По социальной статистике (есть и такая), каждая третья семья в Америке имеет свой автомобиль, в Австралии каждая восьмая. А в СССР? Об этом «шекотливом» вопросе московская брошюра скромно умалчивает.

Австралийский рабочий не живет ни по комнатам, ни по квартирам. Он обязательно хочет иметь и имеет свой клочок земли, свой дом, обычно в 3-4 комнаты плюс кухня, плюс ванная, плюс веранда.

И свое маленькое хозяйство, в которое входит какой-то огорожок в 2-3 гряды, десяток кур, пара-другая фруктовых деревьев и пышный цветник. А в доме у него и электрическая плита с духовкой, и радио, и пылесос, и рефрижиратор, а теперь и телевизор.

И одеваются не только хорошо, но и красиво и даже изысканно. И все живут так потому, что здесь все доступно всем — и австралийскому «пролетарию», и австралийскому «крестьянину».

Австралийские города потому так и раскинуты необъятно широко, что здесь все стремятся жить на своей земле и в своем собственном доме. Правда, за все эти блага у всех висят на шее долги, но все выплачивается аккуратно, ибо все работают. И к 50-ти годам своей жизни австралийская чета, обросшая семьей, делается полным собственником своего угла, во всех отношениях благоустроенная и под старость обеспеченная пенсией.

Отсюда полное отсутствие в Австралии голодных и нищих.

Именно в таком практическом положении вещей лежит разгадка того, что австралийская коммунистическая партия является здесь самой ничтожной и по своей популярности и по своей численности. В Австралии мало найдется дураков, которые поверили бы, что коммунистический режим даст людям больше благ земных и больше свободы, чем режим «буржуазно-капиталистических акул». Австралийцы понимают если и не вполне, то в основном, что принятие коммунизма это значит отказать от свободной ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ жизни.

В совершенно равном положении с австралийским «пролетарием» находится здесь и русский эмигрант. Приехавшие в 1949-50 годах в Австралию русские уже почти все сидят здесь на своей земле и живут в своих собственных домах — и живут далеко не плохо. Достаточно побывать у Светлой Зау-

Е. Евдокимов (Окончание) ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ НОВОЙ РОССИИ ОСНОВНЫЕ ИДЕИ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Выше мы пришли к признанию России, как «Христианской Исторической Монархии». Понятия, заключающиеся в этом определении, должны быть признаны основными идеями русской государственности. Это именно: а) идея христианства, б) идея России, как государства исторического, в) идея Монархии, как основной формы ее государственного строя.

Идея христианства включает в себе признание начал христианства, как руководящих принципов русского государственного строя.

Идея России, как государства исторического, предполагает признание тесной связи между собой всех частей национальной истории, рассматриваемой как одно целое в последовательной исторической жизни России и последовательном ее развитии. Такая точка зрения допускает изменения в формах русской государственности, но лишь при соблюдении внутренней связи с элементами истории в их существе. Эта точка зрения не допускает никаких произвольных теоретических импровизаций, оторванных от исторической жизни и не имеющих с ней никаких общих корней. Однако, та же точка зрения отнюдь не обуславливает какой-то эссенциальной неподвижности, — ибо для народной жизни всегда открыта возможность безбрежного движения духа в области идей и достижений христианства, составляющего главную основу русского государственного строя.

Наконец, идея Монархии, как трени в нашем Кафедральном Свято-Петропавловском Соборе, чтобы увидеть, что все три улицы, прилегающие к Собору, забиты автомобилями русских людей...

Вранье Москвы, в виде хотя бы вот таких брошюрок, рассчитано на тупоумие политически и морально неустойчивых типов, по странному наитию влюбленных в СССР и тянущихся к жизни на родной... Колыме. Туда им и дорога! — хочется сказать.

Даже больше, этих беспринципных джентльменов следует уговаривать, как можно скорее и ценою любых подписок убраться вон из наших эмигрантских рядов — «вернуться на родину», в гостеприимные объятия МВД СССР. Там им «сказку расскажут», и «песню споют», и осиновый кол всадят в их братскую могилу...

М.М.Спасовский

основной формы государственного строя России, предполагает существование монархии, сохраняющей в себе полную и дейную цельность и неповрежденность при возможных изменениях ее формы и организации.

Монархическая идея государственного устройства России проходит ненарушимо через всю ее историю.

В виду сего, все основания, которые можно было бы предложить для того или иного изменения существовавшего строя России, — должны удовлетворять прежде всего следующему непременно-му условию: монархический принцип во всех таких предположениях должен оставаться ненарушимым и непрекосновенным, ибо он заключает в себе главную ценность и всю суть монархического строя. Монархическим же принципом мы должны признать власть, имеющую своим источником волю монарха.

На этом принципе должны основываться все соображения об организации монархии в России.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПАЛАТА

Систему Законодательных учреждений в России, как они существовали в смуту 1905 и 1917 г.г. — далеко нельзя признать сколько-нибудь безупречной и соответствующей России.

Мы уже имели случай высказать, что одной из главных ближайших причин гибели России следует признать введение в 1905 г. Государственной Думы, построенной на демократических основаниях. Дума эта повлекла за собой умаление авторитета монархии, — а он должен стоять всегда на незыблемой высоте, и расшатанность государства. Указанная система Законодательных учреждений отнюдь не должна быть возобновлена в будущей России, потому что всякое учреждение, построенное на началах демократии, как бывшая Государственная Дума, — должно быть исключено из государственного строя России, ибо идет в разрез с существом монархической власти.

Партийное начало в Государственной Думе царило. В ней имели своих представителей не слои и группы населения, объединенные общностью занятий, условий жизни и истории, а политические партии, ничем не связанные с такими слоями. Основные организации населения России, многочисленные и важные, не имели своих представителей. Они не могли иметь своего голоса при обсуждении Законов. Такие организации, как Церковь, весь служилый класс и армия, были лишены участия в Государственной Думе. Это именно те организации, на которых зиждилось существование всего огромного государственного аппарата России. Отдельные духовные лица в Думе состояли, но как представители партий, а не Церкви, как тако-

вой. Голоса Церкви, в должной мере авторитетного, не было. Громадный служилый класс мог принимать участие в занятиях Думы только в лице своих министров, что крайне недостаточно, ибо министры представляли собой только вносимые ими проекты по подчиненным им ведомствам. Должная защита их и обсуждение в Думе не могли иметь места.

Отстранение указанных слоев от участия в занятиях Думы, есть несомненно последствие демократических начал, положенных в основу создания Думы. На этих началах основывалось и ими обуславливалось то совершенно несоответственное противоположение между собственно «народом» с одной стороны, и всем государственным служилым составом — с другой, которое явно сквозит в организации Думы. Этот принцип и обуславливал то отторжение указанных классов от участия в Законодательстве, которое имело место в Государственной Думе. Отношение это представляется в монархической России полным абсурдом. Церковь, служилый класс и армия в бывшей России так переплелись с народом, что были в полном смысле слова плоть от плоти и кость от кости его. Только в воспаленных головах русских революционеров, под влиянием которых создавалась Государственная Дума, могло родиться представление о служилом классе, как о какой-то опротивленной, противопоставленной народу.

Церковь, правительство, армия и народ — одно, — вот принцип, на котором должны быть построены все учреждения Новой России. Это — коренное воззрение русского народа, которое он пронес через всю свою историю. Принцип этот должен быть признан совершенно правильным и отвечающим интересам России, как государства. Поэтому и все указанные классы, как Церковь и весь служилый слой населения, должны иметь в Законодательном собрании Новой России своих представителей, одинаково с остальными слоями населения.

Так было всегда в русском национальном представительном собрании — Земском Соборе. Законодательная палата Новой России должна быть организована по типу русского Земского Собора и представительством от всех естественных исторических слоев и групп населения, без всякой связи с какими бы то ни было политическими партиями. Такая палата в миниатюре представляет собой действительно все население государства, и голос ее можно принимать за голос страны.

В. Евдокимов

От редакции. Настоящий очерк перепечатан нами из книги Виктора Евдокимова — Об основах Государственного устройства будущей России, вышедшей в Белграде в 1932 году.

Десяток наших больных уже свалился на рюкзаки, мешки и всякое барахло, и рзнут. Наши мероприятия, конечно, в колоннах, следовательно, снова порции и конвоем возникает ожесточенность и приводить в порядок прикладами не решался. Нам угрожают арестом в Ленинград. Это, конечно, вздор, и не может. Борис заявляет, что люди не могут. Конвоиры подымаются на землю. Подходят какие-то — как потом оказалось, приемочная замерзший старичек с колючими усанитарной части лагеря. Подходит насыщается на Бориса:

медленно станьте в строй.

врач и как врач, не может допустить единственно вследствие полной немалек на «нераспорядительность» и на несколько тормозит начальственный длительной перепалки появляются упавших, и обоз разломанных медлительностью исчезает до лагеря живыми доехали все-таки

забирает свои пулеметы и залезает рами, трогается и уходит на запад. Ни конвой, ни пулеметов. В стороне подлюжина какой-то публики с винь, лагерный ВОХР (вооруженная охраняемая «попками» и «свечками»... Но от чего охранять. Люди мечтают не заваленные снегом поля, а о теплом

белевшими ушами и в лагерном бушлате (род полупальто на вате). Юнец обращается к нам с речью о предстоящем нам честном труде, которым мы будем зарабатывать себе право на возвращение в семью трудящихся, о социалистическом строительстве, о бесклассовом обществе и о прочих вещах столь же уместных на 20 градусах мороза и перед замерзшей толпой... как и во всяком другом месте. Это обязательные акафисты из обязательных советских молебнов, которых никто и нигде не слушает всерьез, но от которых никто и никогда не может отвертеться. Этот молебен заставляет людей еще полчаса дрожать на морозе... Правда, из него я окончательно и твердо узнаю, что мы попали на Свирьстрой, в Подпорожское отделение Беломорско-Балтийского Комбината (сокращенно ББК).

До лагеря — верст шесть. Мы ползем убийственно медленно и кладбищенски уныло. В хвосте колонны плетутся подлюжина вохровцев и дюжина саней, подбирающих упавших: лагерь все-таки заботится о своем живом товаре. Наконец, с горки мы видим: Вырубленная в лесу поляна. Из под снега торчат пни. Десятка четыре длинных досчатых барака... Одни с крышами, другие без крыш. Поляна окружена колючей проволокой, местами уже завалянной.. Вот он, «концентрационный» или, по официальной терминологии, «исправительно-трудовой» лагерь — место, о котором столько трагических шепотов ходит по всей Руси...

ЛИЧНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

...Я уверен в том, что среди двух тысяч людей, уныло шествовавших вместе с нами на Беломорско-Балтийскую каторгу, ни у кого не было столь оптимистически бодрого настроения, какое было у нас трех. Правда, мы промерзли, устали, нас тоже не очень уж лихо волокли наши ослабевшие ноги, но...

Мы ожидали расстрела и попали в концлагерь. Мы ожидали Урала и Сибири, а попали в район полутора-двухсот верст до границы. Мы были уверены, что нам не удастся удержаться всем вместе — и вот мы пока что идем рядышком. Все, что нас ждет дальше — будет легче того, что осталось позади. Здесь мы выкру-

тимся. И так, в сущности, недолго осталось выкручиваться: январь, февраль... в июле мы уже будем где-то в лесу, по дороге к границе... Как это все устроится — еще неизвестно, но мы это устроим... Мы люди тренированные, люди большой физической силы и выносливости, люди, не придавленные неожиданностью ГПУ-ского приговора и перспективами долгих лет сиденья, заботами об оставшихся на воле семьях... В общем — все наше концлагерное будущее представлялось нам приключением суровым и опасным, но не лишенным даже и некоторой доли интереса. Несколько более мрачно был настроен Борис, который видал и Соловки и в Соловках видал вещи, которых человеку лучше бы и не видеть... Но ведь тот же Борис даже и из Соловков выкрутился, правда, потеряв больше половины своего зрения.

Это настроение бодрости и, так сказать, боеспособности в значительной степени определило и наши лагерные впечатления, и нашу лагерную судьбу. Это, конечно, ни в какой степени не значит, чтобы эти впечатления и эта судьба были обычными для лагеря. В подавляющем большинстве случаев, вероятно, в 99 из ста, лагерь для человека является катастрофой. Он его ломает и психически, и физически — ломает непосильной работой, голодом, жестокой системой, так сказать, психологической эксплуатации, когда человек сам выбивается из последних сил, чтобы сократить срок своего пребывания в лагере, — но все же, главным образом, ломает не прямо, а косвенно: заботой о семье. Ибо семья человека, попавшего в лагерь обычно лишается всех гражданских прав, и в первую очередь — права на продовольственную карточку. Во многих случаях это означает голодную смерть. Отсюда — вот эти неправдоподобные продовольственные посылки из лагеря на волю, о которых я буду говорить позже.

И еще одно обстоятельство: обычный советский гражданин очень плотно привинчен к своему месту и вне этого места видит очень мало. Я не был привинчен ни к какому месту и видел в России очень много. И если лагерь меня и поразил, так только тем обстоятельством, что в нем не было решительно ничего особенного.

